DOI 10.24412/2227-7315-2022-1-155-163
УДК 347.94:347.728.6

Н.Р. Сафаева

К ПРОБЛЕМЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ НЕДЕЙСТВУЮЩЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПО МОТИВАМ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 21 МАЯ 2021 Г. № 20-П «ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА 3.1 СТАТЬИ 3 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА „ОБ ОБЩЕСТВАХ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ” В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНКИ КАРПУК Г.В.»

Введение: *статья посвящена исследованию проблемы доказывания ответственности контролирующих лиц недействующего юридического лица по обязательствам общества на основании п. 3.1. ст. 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» в свете конституционно-правового смысла данной нормы, выявленного Конституционным Судом Российской Федерации. Автором анализируются правовые подходы к распределению бремени доказывания, выработанные судебной практикой, и представляется свой взгляд на разрешение обозначенного вопроса.* ***Методологическая основа:*** *методы анализа и синтеза.* ***Цель:*** *определить стандарт доказывания к распределению бремени доказывания по указанной категории споров.* ***Результаты:*** *подтверждено, что стандарт доказывания субсидиарной ответственности контролирующих лиц исключенного из государственного реестра общества дифференцируется в зависимости от положения кредитора в спорном правоотношении, влияющего на фактическую возможность сбора доказательств, в целях выравнивания процессуальных возможностей сторон.* ***Выводы:*** *для физических лиц стандарт доказывания может быть снижен и кредитор подтверждает лишь наличие непогашенной задолженности общества и факт исключения общества из реестра как недействующего юридического лица. А для предпринимателей и юридических лиц в предмет доказывания также входит подтверждение недобросовестных и неразумных действий контролирующего лица, которые со значительной долей вероятности привели к невозможности исполнения обязательства общества перед кредитором.*

Ключевые слова: *арбитражный процесс, доказывание, доказательства, субсидиарная ответственность, контролирующее лицо, недействующее юридическое лицо.*

© Сафаева Наиля Равильевна, 2022
Председатель Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда
© Safaeva Nailya Ravilyevna, 2022
Chairman of the Eleventh Arbitration Court of Appeal

N.R. Safaeva

TO THE PROBLEM OF PROVING THE LIABILITY OF CONTROLLING PERSONS FOR THE OBLIGATIONS OF A NON-PERFORMING LEGAL ENTITY ON THE GROUNDS OF THE DECREE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION DATED 21 MAY 2021 № 20-P "ON THE CASE OF VERIFYING THE CONSTITUTIONALITY OF PARAGRAPH 3.1 OF ARTICLE 3 OF THE FEDERAL LAW "ON LIMITED LIABILITY COMPANIES" IN CONNECTION WITH THE COMPLAINT OF CITIZEN KARPUK G.V."

Background: *the article is devoted to the study of the problem of proving the responsibility of controlling persons of an inactive legal entity for the obligations of the company on the basis of clause 3.1. of Article 3 of Federal Law No. 14-FZ of February 8, 1998 "On Limited Liability Companies" in the light of the constitutional and legal meaning of this norm, revealed by the Constitutional Court of the Russian Federation. The author analyzes the legal approaches to the distribution of the burden of proof developed by judicial practice, and presents his own view on the resolution of this issue.* ***Methodology:*** *methods of analysis and synthesis.* ***Objective:*** *to determine the standard of proof for the distribution of the burden of proof for this category of disputes.* ***Results:*** *it is confirmed that the standard of proof of subsidiary liability of controlling persons excluded from the state register of the company is differentiated depending on the position of the creditor in a disputed legal relationship, affecting the actual possibility of collecting evidence, in order to equalize the procedural capabilities of the parties.* ***Conclusions:*** *for individuals, the standard of proof can be lowered and the creditor confirms only the presence of the outstanding debt of the company and the fact of the exclusion of the company from the register as an inactive legal entity. And for entrepreneurs and legal entities, the subject of proof also includes confirmation of unfair and unreasonable actions of the controlling person, which with a significant degree of probability led to the impossibility of fulfilling the company's obligations to the creditor.*

Key-words: *arbitration procedure, proving, evidence, subsidiary liability, controlling person, inoperative legal entity.*

Анализ практики рассмотрения судами споров свидетельствует об увеличении в последнее время числа дел, связанных с привлечением к ответственности контролирующих лиц по обязательствам ликвидированного юридического лица.

Такая ответственность признается в настоящее время разновидностью корпоративной ответственности [1, с. 48]. Основанием для ее применения становятся нарушения управленческих обязанностей со стороны контролирующих лиц.

По смыслу норм ст. 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (в ред. от 21 декабря 2021 г.)[1] контролирующие лица при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей должны действовать добросовестно и разумно, их действия (бездействие) должны соответствовать обычным условиям гражданского оборота или укладываться в рамки обычного предпринимательского риска.

Недобросовестное и неразумное исполнение своих обязанностей контролирующим лицом влечет за собой его ответственность не только перед корпорацией, но и перед кредиторами юридического лица. При этом прекращение деятель-

[1] См.: Российская газета. 1994. 8 дек.

ности юридического лица и его исключение из государственного реестра как недействующего не является препятствием для привлечения контролирующих его лиц к ответственности по долгам корпоративного образования, утратившего свою правосубъектность.

Законодатель определяет ответственность контролирующих лиц перед кредиторами по долгам исключенного из государственного реестра лица в качестве субсидиарной (дополнительной) ответственности, регламентированной нормами ст. 399 Гражданского кодекса Российской Федерации.

При этом и Верховный Суд Российской Федерации, и представители научного сообщества сходятся в том, что такая ответственность должна представлять собой исключительный механизм восстановления нарушенных прав кредиторов.

Например, Д.В. Ломакин указывает: «Снятие корпоративного покрова — это не норма, а исключение из общего правила о самостоятельности и независимости юридического лица, в том числе и от своих участников. Оно оправдано в ограниченном числе случаев, когда подконтрольная организационно-правовая структура используется контролирующим лицом в качестве инструмента для реализации своих собственных интересов без учета интересов зависимого субъекта» [2, с. 32].

Развивая тему исключительности названного способа защиты, В.Г. Голубцов пишет: «Исключительность привлечения к юридической ответственности обязывает законодателя устанавливать максимально строгие, императивные, не допускающие произвольного или широкого толкования основания такой ответственности». Анализируя в целом эволюцию правового института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, автор отмечает «тенденцию к ее расширению, усилению, усложнению и излишней детализации, что далеко не в полной мере соответствует провозглашенному принципу исключительности такого вида ответственности» [3, с. 264, 270]. Субсидиарная ответственность применительно к лицам, контролировавшим исключенное из государственного реестра юридическое лицо, появилась сравнительно недавно и вступила в действие 28 июля 2017 г. в связи с принятием Федерального закона от 28 декабря 2016 г. № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 29 июля 2017 г.)[1].

Данным законом внесены изменения в Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в ред. от 2 июля 2021 г.) (далее — Федеральный закон № 14-ФЗ)[2], ст. 3 которого была дополнена п. 3.1, предусматривающим, что исключение общества из Единого государственного реестра юридических лиц в порядке, установленном Федеральным законом о государственной регистрации юридических лиц для недействующих юридических лиц, влечет за собой последствия, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации для отказа основного должника от исполнения обязательства. В данном случае, если неисполнение обязательств общества (в том числе вследствие причинения вреда) обусловлено тем, что лица, указанные в п. 1–3 ст. и 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, действовали недобросовестно или неразумно, по заявлению кредитора на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам этого общества.

Условиями привлечения контролирующего лица к ответственности подобного рода являются наличие у кредитора неисполненных требований к обще-

[1] См.: Российская газета. 2017. 9 янв.
[2] См.: Российская газета. 1998. 17 февр.

ству (основному должнику); исключение общества из единого государственного реестра юридических лиц по решению регистрирующего органа; неразумность или недобросовестность действий контролирующих лиц общества; причинно-следственная связь между действиями контролирующих лиц и неисполнением требований (наступлением убытков) кредитора.

На практике кредиторы, избравшие подобный способ защиты, как правило, сталкиваются с трудностями доказывания круга обстоятельств, связанных с неразумностью и недобросовестностью действий (бездействия) контролирующих лиц, которые, по сути, привели к невозможности исполнения юридическим лицом своих обязательств перед кредиторами.

Внешние кредиторы в силу своей невовлеченности во внутрикорпоративные отношения зачастую бывают лишены необходимой информации о деятельности должника, поэтому не имеют возможности провести анализ такой деятельности с точки зрения добросовестности и разумности управленческих решений директора общества.

Особенность таких споров выражается в информационной асимметрии внешних кредиторов и контролирующих лиц, что обусловливает необходимость отступления от традиционного распределения бремени доказывания [4, с. 25].

Формальный подход в распределении бремени доказывания по подобным спорам был преодолен Конституционным Судом Российской Федерации, который в одном из своих постановлений привел толкование нормы п. 3.1 ст. 3 Федерального закона № 14-ФЗ и опосредованно определил стандарт доказывания по соответствующей категории споров, установив определенные доказательственные презумпции.

Речь идет о Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2021 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона „Об обществах с ограниченной ответственностью" в связи с жалобой гражданки Карпук Г.В.» (далее — Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2021 г.)[1].

Основанием для обращения Г.В. Карпук в Конституционный Суд Российской Федерации послужили следующие обстоятельства: решением районного суда в пользу гражданки Карпук Г.В. была присуждена к взысканию с ООО «Установка+» сумма убытков, причиненных расторжением договора купли-продажи, неустойка и компенсация морального вреда. На основании вступившего в законную силу судебного акта был выдан исполнительный лист с последующим возбуждением исполнительного производства. Однако судебный акт, принятый против общества, к принудительному исполнению привести не удалось по причине исключения ООО «Установка+» из Единого государственного реестра юридических лиц как недействующего юридического лица.

Попытки Г.В. Карпук возложить субсидиарную ответственность ликвидированного общества на его руководителя и участника как на лиц, контролировавших деятельность должника, не привели к ожидаемому результату: в привлечении к субсидиарной ответственности суды трех инстанций отказали за недоказанностью истцом недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) ответчиков.

По мнению Г.В. Карпук, положения п. 3.1 ст. 3 Федерального закона № 14-ФЗ, на которой она основывала свои исковые требования, не соответствуют

[1] См.: Российская газета. 2021. 2 июля.

Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они допускают возможность уклонения контролирующих должника лиц от субсидиарной ответственности по обязательствам общества, исключенного из Единого государственного реестра юридических лиц в порядке, установленном законом для недействующих юридических лиц.

Определяя конституционно-правовой смысл указанной нормы, Конституционный Суд Российской Федерации применительно к обстоятельствам конкретной жалобы исходил из следующих последовательных заключений:

исключение недействующего юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц является вынужденной мерой, приводящей к утрате правоспособности юридическим лицом, минуя при этом ликвидационные процедуры, необходимые для защиты законных интересов его кредиторов;

анализируемая норма права по сути устанавливает компенсирующий негативные последствия прекращения правоспособности общества с ограниченной ответственностью без предваряющих его ликвидационных процедур правовой механизм, выражающийся в возможности кредиторов привлечь контролировавших общество лиц к субсидиарной ответственности, если их недобросовестными или неразумными действиями было обусловлено неисполнение обязательств общества;

установленная указанной нормой субсидиарная ответственность является разновидностью гражданско-правовой ответственности, для привлечения к которой необходимо наличие всех элементов состава гражданского правонарушения, а именно: противоправное поведение, вред, причинная связь между ними и вина правонарушителя.

Далее Конституционный Суд Российской Федерации констатировал, что при обращении в суд с соответствующим иском доказывание кредитором указанных элементов нарушения, в том числе неразумности и недобросовестности действий контролировавших должника лиц, объективно затруднено: предъявление к истцу-кредитору (особенно когда им выступает физическое лицо — потребитель) требований, связанных с доказыванием обусловленности причиненного вреда поведением контролировавших должника лиц, заведомо влечет за собой неравенство процессуальных возможностей истца и ответчика.

На этом основании Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая кредитора-гражданина в качестве слабого участника судебного процесса, лишенного всей полноты доказательственных возможностей, придает оспариваемой норме следующий правовой смысл: при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц недействующего общества с ограниченной ответственностью предполагается, что именно бездействие этих контролирующих лиц привело к невозможности исполнения обязательств перед истцом — кредитором общества, пока на основе фактических обстоятельств дела не будет доказано иное.

Иначе говоря, Конституционный Суд Российской Федерации, толкуя норму материального права, установил правовую презумпцию в судебных спорах по искам кредитора — физического лица о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих общество, исключенное из государственного реестра как недействующее юридическое лицо. Согласно презумпции предполагаются неразумность и недобросовестность действий ответчика, приведшие к невозможности исполнения обязательств перед кредитором в случае, если юридическое

лицо прекратило свою деятельность на основании решения административного органа о его исключении из реестра.

При этом Конституционный Суд Российской Федерации сделал оговорку: такая презумпция является опровержимой, а лицо, контролирующее общество, не может быть привлечено к субсидиарной ответственности, если докажет, что при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по обычным условиям делового оборота, и с учетом сопутствующих деятельности общества с ограниченной ответственностью предпринимательских рисков оно действовало добросовестно и приняло все меры для исполнения обществом обязательств перед своими кредиторами.

Таким образом, установленная Конституционным Судом Российской Федерации правовая презумпция регулирует специальным образом процесс доказывания по соответствующей категории споров, определяет некие стандарты доказывания и распределяет доказательственное бремя между участниками судебного спора.

Комментируемое постановление Конституционного Суда Российской Федерации хотя и не признало норму права противоречащей Конституции Российской Федерации, но придало ей такое конституционно-правовое толкование, которое было направлено на преодоление процессуального формализма при рассмотрении указанной категории дел.

Фактически в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации получил реализацию принцип защиты слабой стороны в споре, о котором писал в своих работах Е.В. Вавилин, называя слабой стороной субъект, который имеет меньше возможностей (ресурсного, экономического, организационного и иного характера) для реализации своего субъективного права, а также обладает меньшим набором ресурсов для осуществления и защиты своих субъективных прав по сравнению с контрагентом [5, с. 31].

Авторы Е.В. Вавилин, А.А. Волос, С.Б. Суровов отмечают, что «важнейшую роль в выравнивании правового положения сторон в правоотношении выполняет сам суд. Если материальное право устанавливает допустимое соотношение и набор прав и обязанностей сторон, их взаимосвязь, то процессуальное право наделяет суд возможностью (правом и обязанностью) дать оценку как содержанию правоотношения, так и фактическому положению контрагентов и условий, в каких они находились при установлении правоотношения» [6, с. 176].

Проблема асимметрии процессуальных возможностей сторон решается судом через перераспределение бремени доказывания, что было продемонстрировано в названном постановлении Конституционным Судом Российской Федерации применительно к обсуждаемой категории спора.

Отмечая в целом прогрессивное и позитивное значение Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2021 г., нельзя умолчать о возникшей проблеме, связанной с применением правовых позиций данного постановления в работе арбитражных судов. Проблема связана с определением судами пределов универсальности высказанной в постановлении правовой позиции.

В постановлении сделаны акценты на том, что изложенная правовая позиция применяется в отношении кредиторов — физических лиц, обязательства общества перед которыми возникли не в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, и в том случае, если на момент исключения общества из

реестра исковые требования таких кредиторов к обществу удовлетворены судом, о чем прямо указано в п. 4 Постановления.

Тем не менее в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации содержится оговорка, согласно которой, применение такого же подхода к распределению бремени доказывания не исключается и в случаях, когда кредитором выступает иной субъект, нежели физическое лицо, обязательство общества перед которым возникло не в связи с осуществлением кредитором предпринимательской деятельности.

Означает ли это, что правило о перераспределении бремени доказывания распространяется на споры с участием кредиторов, осуществляющих предпринимательскую деятельность?

Изучение и анализ арбитражной судебной практики показывают отсутствие у судов единой позиции в отношении данного вопроса.

Одни суды без каких-либо изъятий применяют правовой подход Конституционного Суда Российской Федерации к предпринимательским спорам и исходят из того, что для возложения бремени доказывания на ответчика кредитору достаточно заявить о наличии у него убытков, представить доказательства их возникновения в результате неисполнения обществом обязательств и исключения общества из реестра, а ответчику отказаться от дачи суду соответствующих пояснений или документации[1].

Другие суды, наоборот, не спешат применять правовой подход Конституционного Суда Российской Федерации к предпринимательским спорам, исходя из соображений о необходимости представления кредитором хотя бы минимальных доказательств неразумности и (или) недобросовестности действий (бездействия) контролирующего лица и причинной связи поведения данного лица с неисполнением обществом обязательств. Наличие у общества непогашенной задолженности и факт исключения недействующего общества из реестра сами по себе не рассматриваются в качестве бесспорного доказательства вины контролирующего лица в неуплате долга. Истцу, не имеющему доступа к внутренним документам общества, вменяется в обязанность привести доводы и косвенные доказательства совершения ответчиком неправомерных действий (в том числе путем обращения за содействием к суду в получении доказательств), после чего бремя опровержения данных доводов переходит на ответчика[2].

В практике встречаются случаи, когда даже при пассивной позиции ответчика бремя доказывания не перекладывается на него[3].

Полагаем, что при решении вопроса о распределении бремени доказывания по спорам о привлечении контролирующих общество лиц к субсидиарной ответственности по п. 3.1 ст. 3 Федерального закона № 14-ФЗ подход судов должен быть дифференцированным в зависимости от того, кто выступает на стороне кредитора.

---

[1] См., например: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16 июля 2021 г. по делу № А65-17871/2020; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 2 сентября 2021 г. по делу № А55-6011/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См., например: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16 августа 2021 г. по делу № А67-39991/2920; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29 июля 2021 г. по делу № А32-49037/2020; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13 сентября 2021 г. по делу № А76-37962/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См., например: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 6 сентября 2021 г. по делу № А56-54444/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В спорах с участием организаций и индивидуальных предпринимателей не могут применяться правила, аналогичные тем, что применяются в спорах с участием лиц, не осуществляющих предпринимательскую деятельность, что обусловлено такими ключевыми признаками предпринимательской деятельности, как самостоятельность и осуществление указанной деятельности на свой риск.

В отличие от физических лиц, не являющихся профессиональными участниками рынка, вряд ли можно говорить о том, что организации и индивидуальные предприниматели в подобных спорах выступают слабой стороной в отношениях, особенно учитывая весь имеющийся у них арсенал средств и возможностей для принятия мер по взысканию задолженности при наступлении просрочки и предупреждению исключения общества-должника из реестра, на что также обращает внимание Конституционный Суд Российской Федерации.

Полагаем, было бы ошибкой считать, что для кредиторов — физических лиц и кредиторов — юридических лиц и индивидуальных предпринимателей стандарт доказывания и правило о распределении бремени доказывания должны быть одинаковыми.

Даже если для истцов по указанной категории дел (независимо от того, является кредитор физическим лицом или субъектом коммерческой деятельности) применять так называемый пониженный стандарт доказывания, определенная дифференциация представляется необходимой.

Описывая пониженный стандарт доказывания «prima facie убедительность», получивший распространение в правоприменительной практике в последнее время, А.Г. Карапетов и А.С. Косарев указывают, что «он используется судами в тех случаях, когда у стороны, на которую закон возлагает бремя доказывания, объективно ограничен доступ к доказательствам в подтверждение соответствующего факта, а при этом у оппонента объективно доступ к доказательствам обратного намного шире. В такой ситуации суды во имя справедливости пытаются выравнять положение и понижают стандарт доказывания для обремененной стороны, требуя от нее представить доказательства, которые позволяют предположить, что вероятность наличия соответствующего факта пусть и не выше баланса вероятностей, но все же значима, т.е. имеются разумные подозрения, что факт имеет место. Если доказательства позволяют суду со значимым уровнем вероятности предположить, что спорный факт произошел, суд переносит бремя опровержения на процессуального оппонента» [7, с. 67].

По нашему мнению, конкретно в таком понимании пониженный стандарт доказывания должен применяться в отношении кредиторов-предпринимателей и юридических лиц, в обязанность которых входит доказывание недобросовестных и неразумных действий контролирующих лиц. Указанные субъекты должны представить доказательства, позволяющие суду предположить, что со значительной долей вероятности причиной неисполнения обязательства перед ними стали недобросовестные и неразумные действия контролирующих лиц контрагента.

Освобождение истцов от представления даже таких (минимальных) доказательств приведет к поощрению процессуальной пассивности лица, обратившегося за судебной защитой своего нарушенного субъективного права.

Таким образом, субсидиарная ответственность контролирующих лиц исключенного из государственного реестра общества, представляя собой исключительный механизм защиты прав кредиторов, не предполагает освобождения кредитора от доказывания условий привлечения к такой ответственности.

Применение пониженного стандарта доказывания по спорам, связанным с привлечением к субсидиарной ответственности, должно быть дифференцированым в зависимости от статуса кредитора. Так, для кредиторов — физических лиц стандарт доказывания может быть снижен до той степени, когда кредитор подтверждает лишь наличие непогашенной задолженности общества и факт исключения общества из реестра как недействующего юридического лица. Для кредиторов — предпринимателей и юридических лиц в предмет доказывания также входит подтверждение недобросовестных и неразумных действий контролирующего лица, которые со значительной долей вероятности привели к невозможности исполнения обязательства общества перед кредитором.

Библиографический список

1. *Гутников О.В.* Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 48–56.

2. *Ломакин Д.В.* Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9. С. 6–33.

3. *Голубцов В.Г.* Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 248–273.

4. *Емалтынов А.Р.* Процессуальные аспекты субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11. С. 25–29.

5. *Вавилин Е.В.* Осуществление и защита субъективных прав слабой стороны в гражданском правоотношении // Российское правосудие. 2007. № 6. С. 31–37.

6. *Вавилин Е.В., Волос А.А., Суровов С.Б.* Принцип защиты слабой стороны в правоотношении в гражданском праве и гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 170–186.

7. *Карапетов А.Г., Косарев А.С.* Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 5 (спецвыпуск). С. 3–96.

References

1. *Gutnikov O.V.* Development of Corporate Responsibility in Judicial Practice // Journal of Russian Law. 2021. No. 6. P. 48–56.

2. *Lomakin D.V.* The Concept of Removing Corporate Cover: the Implementation of Its Main Provisions in the Current Legislation and the Draft Amendments to the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of the Russian Federation. 2012. No. 9. P. 6–33.

3. *Golubtsov V.G.* Subsidiary Liability of Persons Controlling the Debtor: Evolution of Legislative Approaches // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2020. No. 2. P. 248–273.

4. *Emaltynov A.R.* Procedural Aspects of Subsidiary Liability for the Obligations of an Inactive Legal Entity // Arbitration and civil procedure. 2019. No. 11. P. 25–29.

5. *Vavilin E.V.* Implementation and Protection of the Subjective Rights of the Weak Party in a Civil Legal Relationship // Russian justice. 2007. No. 6. P. 31–37.

6. *Vavilin E.V., Volos A.A., Surovov S.B.* The Principle of Protecting the Weak Side in a Legal Relationship in Civil Law and Civil Procedure // Bulletin of Civil Procedure. 2016. No. 6. P. 170–186.

7. *Karapetov A.G., Kosarev A.S.* Standards of Proof: Analytical and Empirical Research // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. No. 5 (special issue). P. 3–96.